

ГИПЕРДВИГАТЕЛЬ ВКЛЮЧЕН

Нортон решил, что дистанция в сто километров дает достаточную гарантию безопасности. Рама, обращенный к «Индевору» бортом, превратился в большой черный прямоугольник, заслоняющий Солнце. Капитан воспользовался благоприятной возможностью, чтобы завести свой корабль в тень, снять перегрузку с систем охлаждения и — лучше поздно, чем никогда — провести кое-какой текущий ремонт. Отбрасываемый Рамой теневой конус мог исчезнуть в любой момент, и Нортон стремился использовать его до последней минуты.

Рама продолжал разворачиваться, направление его оси изменилось уже почти на пятнадцать градусов, и с каждым градусом, по логике вещей, близился переход на новую орбиту. В Организации Объединенных Планет возбуждение достигло степени истерии, однако до «Индевора» доходили лишь слабые его отзвуки. Экипаж был измотан и физически, и эмоционально и, не считая вахтенных, число которых было сокращено до минимума, проспал после взлета с Северной базы полных двенадцать часов. Нортон по совету врача включил аппарат электросна, и все равно ему мерещилось, что он взбирается по бесконечной лестнице.

На второй день после возвращения на корабль все или почти все вошло в нормальную колею, исследования внутри Рамы уже представлялись частью какой-то другой жизни. Нортон принялся разгребать накопившиеся бумаги и строить планы на будущее, но на просьбы об интервью, которые непонятно как просачивались на частоты Службы Солнца и даже Космического патруля, отвечал категорическим отказом. Меркурий хранил молчание, и Генеральная Ассамблея прервала свою сессию, хотя делегаты и условились, что при необходимости соберутся в течение часа.

Через тринадцать часов после старта с Рамы, едва Нортон впервые заснул здоровым сном, его жестоко встряхнули за плечо. Он невнятно выругался, приоткрыл глаза, узнал Карла Мерсера и, как любой хороший капитан, мгновенно полностью очнулся.

— Больше не крутится?

— Точно. Застыл на месте, как скала.

— Пошли в рубку...

Весь «Индевор» был уже на ногах, даже шимпанзе поняли, что происходит нечто необычное, и тревожно пищали, пока сержант Макэндрюс не успокоил их двумя-тремя быстрыми взмахами руки. И все же Нортон, устраиваясь в кресле и затягивая привязные ремни, поймал себя на мысли, не очередная ли это ложная тревога.

Цилиндр Рамы, казалось, укоротился, из-за края его выглядывал палящий солнечный ободок. Нортон мягко передвинул «Индевор» в густую тень искусственного затмения и вновь увидел на фоне нескольких наиболее ярких звезд жемчужное сияние короны. Огромный протуберанец, высотой по крайней мере полмиллиона километров, выбросился так далеко в пространство, что верхние его языки казались ветвями темно-красного огненного дерева.

«Теперь остается только ждать, — сказал себе капитан. — Сколько бы ни длилось ожидание, главное — не потерять готовности мгновенно перейти к действию, включить все приборы, не забыв ни одного...»

Странное явление: звездное небо тронулось с места, как если бы он запустил маневровые двигатели. Но ведь он не притрагивался к рычагам управления, и, если бы корабль действительно пришел в движение, он ощутил бы это в тот же миг...

— Шкипер! — вызвал его взволнованный Колверт из штурманской. — Мы вращаемся, взгляните на звезды! Но ни один прибор не показывает ровным счетом ничего.

— Гироскопы в порядке?

— В полном порядке, и стрелки все на нулях. Но мы вращаемся со скоростью три-четыре градуса в секунду.

— Это немыслимо!

— Разумеется немыслимо, но взгляните сами...

Когда отказывает все остальное, приходится полагаться на собственные глаза. Звездное небо, несомненно, смещалось — вон по экрану левого борта медленно проплыл Сириус. Одно из двух: или Вселенная решила вернуться к докоперниковой космологии и вдруг принялась вращаться вокруг «Индевора», или звезды пребывали на своих местах, а вращался корабль.

Второе объяснение представлялось значительно более вероятным, зато приводило к другим, казалось бы, неразрешимым парадоксам. Если бы корабль в самом деле вращался, да еще с такой скоростью, он, Нортон, не мог бы не почувствовать этого — в полном соответствии со старой поговоркой — буквально на собственной шкуре. Да и гироскопы никак не могли отказать одновременно и независимо друг от друга.

Значит, остается один ответ. Каждый атом «Индевора» захвачен некой могущественной силой — породить такой эффект могло лишь мощное гравитационное поле. Или, точнее, не способно ни одно другое из известных земной науке...

И тут звезды исчезли совсем. Пылающий диск Солнца поднялся из-за щита Рамы, и его ослепительный блеск будто стер их с небосклона.

— Локатор что-нибудь показывает? Какова скорость удаления?

Нортон был вполне готов к тому, что и локатор выйдет из повиновения, но он заблуждался.

Рама наконец-то уходил с прежней орбиты, уходил со скромным ускорением, равным пятнадцати тысячным g. Нортон не преминул отметить про себя, что доктор Перера, вероятно, счастлив — ведь он предсказывал предельное ускорение порядка двух сотых g. А «Индевор» держался в кильватере удаляющегося исполина, и его закрутило позади, как обломок кораблекрушения...

Час за часом ускорение оставалось постоянным; Рама улетал от «Индевора» с непрерывно возрастающей скоростью. По мере удаления цилиндра противоестественное поведение самого «Индевора» мало-помалу прекратилось, нормальные законы инерции вновь вступили в свои права. Можно было лишь гадать о чудовищных силах, приведших Раму в движение, если даже дальние их завихрения вызвали такой эффект, и Нортон возблагодарил судьбу, что успел отвести «Индевор» на безопасное расстояние, прежде чем Рама включил свой гипердвигатель.

Что касается природы этого двигателя, несомненным было одно: Рама перешел на новую орбиту без помощи газовых струй, ионных лучей или потоков плазмы. Никто не сумел выразить свои чувства лучше, чем сержант — он же профессор — Майрон, который произнес потрясенно:

— Прости-прощай третий закон Ньютона!..

Однако сам «Индевор» находился в прямой зависимости именно от третьего закона Ньютона, когда на следующий день сжигал последние остатки топлива, пытаясь отклонить собственную свою орбиту как можно дальше от Солнца. Большого отклонения достигнуть не удалось, и все же расстояние от Солнца в перигелии увеличилось на десять миллионов километров. Такова была дистанция между необходимостью выжать из систем охлаждения девяносто пять процентов мощности и стопроцентной уверенностью в огненной смерти.

Когда корабль завершил свой маневр, Рама уже ушел от «Индевора» на двести тысяч километров и на фоне пылающего Солнца стал почти невидимым. Однако локаторы по-прежнему вели тщательные измерения новой орбиты цилиндра, и чем больше данных получали люди, тем сильнее недоумевали.

Они проверяли и перепроверяли цифры до тех пор, пока вывод, казалось бы немыслимый, не превратился в единственно возможный. Страхи меркуриан, героизм Родриго, полемические бои Генеральной Ассамблеи — все было, видимо, напрасным.

«Что за вселенская ирония, — сказал себе Нортон, разглядывая листок с расчетами, — миллионы лет компьютеры Рамы благополучно вели его к цели и вдруг совершили единственную пустяковую ошибку, скорее всего заменили в каком-нибудь уравнении знак плюс на минус...»

Все были так уверены, что Рама затормозит и, пойманный притяжением Солнца, станет новой планетой Солнечной системы. На деле произошло нечто диаметрально противоположное.

Рама набирал скорость — в худшем из всех возможных направлений. Рама падал на Солнце, и с каждым мгновением все быстрее.

45

ПТИЦА ФЕНИКС

Когда параметры новой орбиты звездного гостя определились с окончательной четкостью, никто не взялся бы утверждать, что корабль избежит катастрофы. Лишь ничтожная горсточка комет подходила когда-либо так близко к Солнцу: в перигелии Раму от пылающего водородного ада будут отделять едва ли полмиллиона километров. Никакое твердое вещество не способно противостоять царящим здесь температурам; сверхпрочный сплав, из которого изготовлен корпус Рамы, начнет плавиться на расстоянии раз в десять большем...

К общему облегчению, «Индевор» успешно миновал свой перигелий, теперь дистанция, отделяющая корабль от Солнца, начала понемногу возрастать. Рама далеко обогнал людей на своей более низкой, а значит, более быстрой орбите и давно углубился во внешние слои короны. «Индевору» выпала честь наблюдать последний акт трагедии из почетной логи.

Но вот примерно в пяти миллионах километров от Солнца Рама, все ускоряя свой бег, принялся свивать себе кокон. До сих пор в телескопы «Индевоора» он был виден при максимальном увеличении как крохотная яркая полоска — и вдруг полоска начала мерцать, как звезда над самым горизонтом. Прежде всего подумалось, что Рама разрушается, и Нортон, уловивший необычную прерывистость изображения, испытал острую внутреннюю боль при мысли о безвозвратной утрате такого чуда. Потом он понял, что Рама цел, но окружен мерцающим ореолом.

И тут цилиндр исчез. На его месте возникла ослепительная точка — звездочка без какого бы то ни было видимого диска, словно Рама внезапно сжался в крохотный комок.

Прошло немало времени, прежде чем они догадались, что случилось. Рама действительно исчез — он был теперь окружен идеально отражающей сферой диаметром примерно в сто километров. И видели они не всю сферу, а лишь отражение Солнца на ее изгибе, ближайшем к «Индевору». Этот защитный кокон надежно укрыл Раму от жара солнечной преисподней.